

У. ДОЛЕШАЛЬ, В. В. ДУБИЧИНСКИЙ, Т. РОЙТЕР

**СУРЖИК: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ
И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**
(на материале аутентичных аудиозаписей телепередачи)

1. Введение

Авторским коллективом Клагенфуртского и Харьковского технических университетов начато исследование языковой ситуации в Украине. Исследования проводят Урсула Долешаль (социолингвистический аспект), Владимир Дубичинский (сопоставительный аспект), Тильманн Ройтер (грамматический аспект).

Адресатом нашего исследования является лингвист, владеющий русским и в достаточной мере украинским языками и желающий разобраться в языковой ситуации в современной Украине.

Целью данной статьи является исследование живой устной речи жителей Украины, и в частности суржика. Тем самым мы намереваемся внести вклад в разъяснение вопроса о том, что же понимается под суржи́ком.

Мы предлагаем рабочее определение одного типа суржика в виде гипотезы и проверяем ее посредством лексико-грамматического и социолингвистического анализа.

Актуальность статьи заключается в том, что последние годы ведется активное обсуждение языковой ситуации в Украине, как в научной литературе, так и в средствах массовой информации. При этом особенно остро обсуждается явление суржика, зачастую в сугубо эмоциональной форме¹.

По нашему мнению, несмотря на то что за последние 20 лет было опубликовано немало статей и книг о суржике (см. напр. [Ставицька, Труб

---

¹ Суржик — «кровосмесительное дитя билингвизма» (писатель Ю. Андрухович), «название деградировавшего, убогого духовного мира человека и оторванности от родного» [Антисуржик], «разворачивание языковой болезни» [Масенко 1999], «первая стадия той болезни, которая называется отмиранием языка» (газета «Вечерний Киев», 1998), «язык для духовно бедных, квинтэссенция душевной структуры “одномерного” человека, метафизическая модель жлобской души» [Окара 2001] и мн. др. (*перевод авторов статьи*).

2007; Del Gaudio 2010; Flier 1998; 2008; Bilaniuk 2004; Масенко 2004; 2008] и др.), все-таки остается неясным или даже загадочным, какое именно языковое явление (или какие именно явления) сводится к этому понятию, если вообще слово *суржик* можно понимать как термин. Ведь слово *суржик* употребляется широко в повседневной речи (см. определение из [СУМ] ниже), и в то же время кажется, что повседневное значение влияет и на понятие *суржик* среди лингвистов. Лингвистами смешивается глобальное понимание суржика как смешанной речи и суржика как речи с низкой оценкой. Поэтому необходимо найти более точное определение понятия *суржик* со структурной, и с социолингвистической точек зрения, а также, пожалуй, более точное и нейтральное название этого явления. Отметим, что в литературе указывается на существование разных видов суржика, напр. [Flier 1998: 115—116; Bilaniuk 2004].

Что касается **структурного определения**, главный вопрос состоит в том, является ли суржик стихийной смесью двух языков (точнее, русского и украинского языков, см. [Масенко 2008]), или же смешение языков подвергается определенным закономерностям (см. [Flier 1998]). К этой проблематике примыкает также вопрос о том, существует один тип суржика или их несколько, как утверждает Биланюк (см. [Bilaniuk 2004]).

Что касается **социолингвистического определения**, то вопрос состоит, в первую очередь, в том, какие разновидности речи воспринимаются языковым сообществом (speech community) как суржик, или, другими словами, какие именно смеси русского и украинского языка принято называть *суржи́ком* в Украине. Как показывает перцептивная социолингвистика (ср. [Preston 1999]), носители языка обычно располагают четкими представлениями о классификации отрезка речи относительно принадлежности к территориальной или социальной разновидности данного языка (см., напр. [Krause et al. 2003]). Часто, но не всегда, эти оценки сходятся с научными классификациями. Ввиду недостаточной определенности термина в лингвистике, такое «наивное» определение особенно ценно и дополняет интуицию лингвистов, которые рассматривают суржик, с одной стороны, с позиции носителей языка, а с другой — с позиции ученых.

Достаточно полный **обзор определений суржика** даётся в работе [Ставицька, Труб 2007]. Сами авторы предлагают следующее определение: «Суржик — это некодифицированный просторечный язык, который возник вследствие долгого контактного украинско-русского двуязычия в его диглосной форме. Суржик формируется в результате системной интерференции на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях; он репрезентируется целюоформленными лексемами — суржикизмами, которые накладываются на украинскую или русскую языковую основу; проявляет себя на базе региональных разновидностей украинского языка как языковой код у людей с разным типом языковой компетенции, в разнотипных социально-корпоративных и коммуникативных сферах» [Там же: 77] (*перевод авторов статьи*).

Дополнительно приведём еще несколько авторитетных мнений.

1. «В восточных и юго-восточных областях Украины, преимущественно в городах (Запорожье, Донбасс, Кривой Рог, Одесса), а также в Крыму с XVII—XVIII вв. бытует так называемый “суржик” (исходное значение “смесь ржи с пшеницей, ячменя с овсом и т. п.”) — просторечие, сложившееся в результате механического соединения преимущественно украинской диалектной фонетики и грамматики с лексическим материалом преимущественно русского языка» [Жовтобрюх, Молдован 2005: 515].

2. «Суржик (*перен., разг.*) — элементы двух или нескольких языков, объединённые искусственно, без придерживания норм литературного языка; нечистый язык» [СУМ] (*перевод авторов статьи*).

3. «Распространённое в Украине разговорное название ненормативной индивидуальной речи определённого лица и социолекта определённой группы, которое строится на основе смешения, интерференции элементов двух или больше языков (...). Чаще всего под суржи́ком как социолектом понимают определённый структурный, функциональный компонент украинского просторечия с заметной примесью русизмов, который стал разговорным языком и фактически основным способом общения большинства украиноязычного населения страны в результате массового длительного украинско-русского двуязычия в её ассиметричной диглоссной форме» [Тараненко 2004: 665—666] (*перевод авторов статьи*).

4. «Ученые, занимавшиеся вопросами суржика, часто обращали внимание на отсутствие чёткого определения этого термина. По этой причине и на основе наблюдения и лингвистического анализа материала о суржике, а также для лучшего семантического определения языковых сегментов и текстов мы ввели понятие *прототипа украинского суржика*.

Определение нами этого термина базировалось на констатации существования языкового варианта, который часто употребляется как постоянный способ коммуникации для широких слоёв населения; а вычленение этого лингвистического варианта из массы других языковых смесей, таких, например, как простая интерференция, переключение кодов, альтернатива кодов, разговорная и диалектная речь, требовало разработки авторской методики» [Del Gaudio 2010: 304].

5. «Суржик иногда считают городским сленгом, с чем нельзя согласиться, поскольку сленг — элемент парадигмы разговорно-обиходного языка, а суржик — некодифицированного разговорного языка малообразованных людей...» [Ставицька 2005: 263] (*перевод авторов статьи*).

6. «Украинскому просторечию, прежде всего на территории восточной и южной Украины, свойственно явление суржика — смешивания украинского и русского языков, что более всего проявляется на лексическом уровне, напр.: бомажка, да, долг, канешно, нізя, обізатільно, обішать, п'ятно, цвітний» [Бондар и др. 2006: 275] (*перевод авторов статьи*).

Как следует из приведенных цитат, суржи́ком обычно называется смесь украинского и русского языков. Точный лингвистический характер такой смеси, однако, пока не совсем ясен. Отметим, что о наблюдаемых лексических, морфологических и фонологических регулярностях писал М. Флайер еще в 1998 году [Flier 1998]. По его описанию, структурно различаются:

суржик на базе украинского языка с русскими примесями (admixture) (украинско-русский суржик) и суржик на базе русского языка с украинскими примесями (русско-украинский суржик). Поскольку в нашем материале (см. ниже) первый тип представлен намного чаще, чем второй, мы рассмотрим его как **основной (или прототипический)**. Поэтому, когда в дальнейшем будем говорить о суржике, имеем в виду именно первый, основной тип (украинско-русский суржик).

Исходя из сказанного мы можем представить своё определение суржика в виде гипотезы, которая подвергается проверке.

Суржик — это разновидность украинского языка с примесями, которые мы относим к русскому языку и которые проявляются на лексическом, фонетическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях.

Следует отметить, что наблюдаемые случаи примесей из украинского просторечия выносятся (анализируются) нами отдельно — значит, суржик, в нашем понимании, не отождествляется с просторечием украинского языка².

Иначе говоря, нами рассматриваются все элементы в речи, которые хоть в чем-то отличаются от норм украинского литературного языка и могут относиться к литературному русскому языку. При этом мы осознаем, что определение «русизмов» осложняется тем фактом, что многие лексические элементы, которые могут считаться русизмами, встречаются и в украинских говорах или художественных произведениях (но не являются элементами современного украинского литературного языка). Поскольку, как пишет [Кузнецова 2000: 80] (цитируем по [Ставицька, Труб 2007: 43]), «такие формы в речи одного информанта являются диалектизмами, а в речи другого — они результат давления русского языка» (*перевод авторов статьи*), мы не беремся судить о диалектизмах, а, наоборот, исходим из русского и украинского литературных языков. Этот подход оправдывается и тем, что суржик нередко считается субстандартом, и всякий элемент, который не принадлежит к стандартному языку, должен поэтому восприниматься как «примесь». Откуда происходит такая примесь, для нас не является существенным, если она синхронно воспринимается как русизм. Конечно, как употребление, так и восприятие элемента речи в качестве примеси или в качестве органической составляющей зависит от региональной принадлежности и от языковых навыков воспринимающего такую речь человека. Поэтому, кроме рассуждений профессиональных

---

² «Под просторечием (как понятием социолингвистики, а не стилистики и лексикографии) понимают наддиалектный и не ограниченный узко социальный подвид национального языка, основной формой функционирования которого есть сфера разговорно-обиходной речи лиц, незнакомых в необходимом объёме с литературными нормами (преимущественно в результате недостаточной образованности)» [Тараненко 2008: 15].

лингвистов, нужны еще и оценки «простых» носителей языка, чтобы определить статус и характер речевого отрывка³.

Насколько нам известно, пока не было предпринято эмпирических исследований ни относительно оценки суржика, ни относительно его определения членами украинского языкового сообщества. Речь идет о так называемом метаязыковом сознании говорящих. Изучение этого сознания важно не только с теоретической точки зрения (наблюдения над развитием языка и языковым изменением), но и с нормативной точки зрения: ведь, если не известно, как носители языка понимают суржик, то трудно проводить политику языкового планирования и культуры речи.

Исходя из вышесказанного, мы в своей исследовательской работе предприняли попытку эмпирического изучения суржика. Следует отметить, что речь идет о пробно-поисковом исследовании, поэтому наши результаты в определенном смысле предварительны и должны подвергаться проверке другими экспериментами и обсуждаться среди лингвистов.

В качестве объекта исследования выбрана речь участников телепередачи центрального украинского канала «Интер» «Ключевой момент». Временные рамки анализируемых речевых блоков: июль 2008 — февраль 2009 г.

Для научной объективности анализа и возможности проверить экспериментальные данные применяется **методика сплошной транскрипции** речи участников (из отдельных фрагментов передачи), а также **методика оценки** аудиофрагментов членами языкового сообщества в Украине.

Новизна исследования заключается в том, что мы, во-первых, анализируем **достаточно однородный аутентичный материал** в четких временных границах, представляющий различные территориальные, возрастные и социальные речевые варианты. Во-вторых, мы попытаемся выяснить посредством **анкетирования**, совпадает ли наше мнение с наивным мнением говорящих относительно оценки речи как суржиковой.

Материал исследования. Мы выбрали для нашего анализа популярное ток-шоу «Ключевой момент» телеканала «Интер» (<http://inter.ua/uk>). Программа посвящена обсуждению жизненных проблем людей, их рабочих и семейных отношений и, как правило, поиску утраченных родственников, в котором помогает съёмочная группа телепередачи.

Диалог протекает следующим образом. Ведущая обращается к участникам передачи на нормативном украинском языке. Обсуждение проводится в условиях свободного выбора языка общения. Как правило, диалог ведётся разными лицами на украинском, иногда на русском языке, а зачастую и на языке, который предлагаем называть суржиком. Кроме диалогов, в передаче присутствуют вставленные монологи на основе материалов съёмочной группы.

---

³ Отметим также, что вопрос об условиях формирования индивидуальной речи и оценки наших респондентов, безусловно, важен, однако в данной работе не рассматривается.

Выбранная телепрограмма адекватно представляет языковую стихию современного украинского общества, так как:

— участниками телепередачи являются жители различных регионов Украины;

— участниками являются люди различного возраста (от школьного до пенсионного);

— присутствует гендерный аспект речи (выступают мужчины и женщины);

— участниками являются люди различных профессий и уровня образованности⁴;

— диалоги ведутся на различные темы личной жизни, что предполагает использование различных пластов лексики.

Отметим, что на основании записанного видеоматериала можно чаще всего с достаточной четкостью установить географическую принадлежность, возраст, социальный статус, образование героев телепередачи, что составляет **речевой паспорт коммуникативной ситуации и её участников**.

Отметим также, что речь участников телепередачи естественна по всем параметрам, что позволяет нам присвоить ей высокую значимость для нашего исследования. При этом мы осознаем, что следует иметь в виду две особенности ситуации общения: а) фактор публичного выступления и б) возможное (неосознанное) влияние речи ведущей на речевое поведение участников.

Запись телепередач велась в режиме временных блоков: за период с июля 2008 г. по февраль 2009 г. в течение шести произвольно выбранных недель было снято в среднем по три передачи подряд. Мы осознаем, что такой подход не соответствует случайной выборке в статистическом смысле. В целом наш материал состоит из 17 передач, в которых выступают в среднем по 2—3 героя и их родственники.

Мы просмотрели все передачи и отобрали те места, где проявляется смешение языков, и установили также, какого рода это смешение:

1. Когда суржиковые явления появляются в украинской речи?

2. Когда суржиковые явления появляются в русской речи?

Выяснилось, что данные два случая встречаются неравномерно и имеют различную частоту встречаемости (различный частотный индекс): случаи

---

⁴ Нам с самого начала исследования не показалось целесообразным ограничить круг потенциальных говорящих на суржике социальными признаками, как это делал, напр., [Del Gaudio 2010] и как широко принято в таких описаниях суржика, которые рассматривают суржик как явление просторечия и, следовательно, характерное для необразованных людей. Мы, конечно, не исключаем такую связь между суржиком и образованием, но, с другой стороны, известно, что молодые люди независимо от уровня образования утверждают, что говорят на суржике, потому что им это ближе, менее принужденно (ср. [Ставицька, Труб 2007: 38]) Поэтому мы допускали, что связь между использованием суржика и социальной принадлежностью заранее не определена.

появления суржиковых явлений в украинской речи, по нашим материалам, более частотны, чем в русской. Поэтому, как уже было сказано выше, мы решили заниматься пока только первым случаем и на его базе попытаться определить, что такое суржик.

2. Анализ языкового материала

По нашим наблюдениям, факты русско-украинской интерференции проявляются на всех языковых уровнях и подуровнях: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, словообразовательном и синтаксическом.

Транскрипционный анализ мы проводим на основе литер русского языка с добавлением ограниченного количества дополнительных символов.

Редукция гласных описывается по упрощённой форме. Например, в первом, четвёртом и пятом слогах слова [народьблас'а] фонема ⟨а⟩ имеет различные звуковые реализации, но для данного анализа авторы посчитали возможным пренебречь этим обстоятельством. В данном случае предлагаемая транскрипция носит не звуковой, а фонемный характер: существенным является факт различения фонем ⟨а⟩ (первый, четвёртый и пятый слоги) и ⟨о⟩ (второй слог).

Приведем три примера аудиофрагментов и их транскрипции в виде, обоснованном выше. Под каждым примером подаётся поуровневый лингвистический анализ: указываются все случаи расхождения с нормами украинского литературного языка⁵.

Характеристика аудиофрагментов А и Б (Телепередача «Ключовой момент» от 03.09.2008). В телестудии ведущая встречает женщину Наталью, 36 лет, из села Бахмач-2 Бахмачского района Черниговской области. Наталья живет с бабушкой, матерью и сыном. Ищет своего дядю Юру, племянника ее бабушки. В аудиофрагменте А представлена речь бабушки, которая находится в зале телестудии. Ей около 70 лет. В аудиофрагменте Б представлена речь дяди Юры, 50 лет, который живет в селе Зелений Бір Васильковского района Киевской области, по профессии рабочий.

Аудиофрагмент А (отсчет времени по записи: 12.25-13.08) — Монолог бабушки:

Участница: [Ну воньі жьбы на... и робьбы. Маты робьбла на гальвас'к'ий птыцэфабрыц'и сэло Западьнивка... Маты знала адрэс... А...

⁵ В литературе предлагаются разные системы описания смеси русского и украинского языков, напр. [Flier 1998; Ставицька, Труб 2007; Del Gaudio 2010]. Наиболее развита, однако, по нашему мнению, система описания трясанки Герда Хенчеля [Hentschel 2008], которую следует в дальнейшем применить и к нашему исследованию.

Вона до мѐнѐ прыйизджала дѐс'... нѐ знайу ужѐ ск'ик'и рѐк'ив назад. Йа ж пытайу за Йѐру. Вона... В'ин живѐ в сус'идн'ому сѐл'и... А йак жѐ так. А сѐло йак называйѐц'а? И вона мѐнѐ за... нѐ за нѐ шос' она кѐжѐ она кѐжѐ шо... и н'и рѐзу нѐ сказѐла. Вона два рѐза прыйиздѐла и н'и рѐзу нѐ сказѐла. Жывѐ жѐнѐивс'а два хлѐпц'ив майѐ ж'инку. Оцѐ тѐкѐ нам скажѐ и всѐ].

Уровни:

Фонетический:

[ск'ик'и] — украинское просторечие, укр. литер. [скѐл'кы]).

Морфологический:

[(на) птыцѐфѐбрыц'и] — лексема *птицефабрика* русская, укр. *птахофабрика*; флексия с чередованием *к/ц* украинская; произношение украинское; [ѐдрѐс] — лексема *адрес* русская, укр. *адреса*; нулевая флексия русская⁶, укр. вин. ед. ч. [ѐдрѐсу]; произношение украинское;

[жѐнѐивс'а] — лексема *жениться* украинская, наряду с русск. *жениться* *несов* и *сов.*; суффикс глагола прошедшего времени *-в* украинский; произношение украинское. Следует, однако, иметь в виду, что в украинском языке существует синонимическая видовая пара *одружуватися/одружитися*.

Синтаксический:

[пытѐйу за Йѐру] — украинское просторечие, укр. литер. *питаю про Юру*; [два рѐза] — конструкция *два раза* русская, укр. [два разы]; произношение общее (русское и украинское).

Семантический:

Словоформа [робѐлы] употребляется в значении 'работали', а такое употребление зачастую считается классическим примером суржиковой речи, ср. литературное украинское *працювали* (между тем как укр. *робили* = русск. *делали*). Тем не менее словари украинского языка приводят для слова *робити* нужное нам здесь значение: 'займатися якою-небудь, переважно фізичною, працею; працювати...' [ВТС] или '*розм.* займатися якою-н. (перев. фізичною) роботою' [СТС]. Поэтому мы не считаем себя вправе отнести словоформу [робѐлы] к суржику — это скорее всего элемент разговорного украинского языка.

Словоформа [ж'инку] употребляется в значении 'жену' / 'супругу', а такое употребление также зачастую считается примером суржиковой речи, ср. литературное украинское 'дружина'. Однако словари украинского языка приводят для слова *жінка* и в этом случае нужное нам значение: 'заміжня особа стосовно до свого чоловіка // взагалі заміжня особа жіночої статі' [ВТС] или 'заміжня особа стосовно свого чоловіка' [СТС]. Поэтому мы не считаем себя вправе отнести словоформу [ж'инку] к суржику — это скорее всего тоже элемент разговорного украинского языка.

⁶ По данным М. Флаера [Flier 1998: 119], в суржике флексии обычно украинские, за исключением имени существительного, где встречаются и русские окончания.

Аудиофрагмент Б (отсчет времени по записи: 17.19—18.43) — Монолог дяди Юры с музыкальным сопровождением):

Участник: [Цэ йа Рудэнка Йур'ий Мьколайовыч. А цэ м'ий фрэзэрный станок на йакóму йа прац'уйу. Прац'уйу йа в ынст'итут'и в МД'ИМ'И прац'уйу фрэзэрóвщыком. Ран'йшэ прац'увáв на восэвóй птыцэфáбрыц'и. А тэпэр пэрэйшóв с'уды. Брыгада попáлас'а хорóша. Хлóпц'и п'идкажут помага́ют. Так шо робóта мэн'й подóбайэт'с'а.

Жыву́ йа нэдалэко в сэл'и Ээлэный б'ир. Ж'инку звáты Вáл'а, прац'уйэ в Бóрыц'и в роддóm'и. Двóйэ сын'ив. Одногó Сáшка, дрúгый Ал'óшка. Стáрший Сáшка жэнáтый. Жывэ атд'эл'на. Ал'óшка з нáмы щэ пакá. Сáшка прац'уйэ на пылорáм'и. А Ал'óшка в Кыйэв'и на áв'иазавóд'и. Так шо все у мэнэ дóбрэ.

Колы на т'ий нэд'йл'и получы́в запрóшэн'н'а мэн'й булó аж... аж зды-вувáв'а сам в'ид кóго цэ вонó мóжэ и бут'. Ну йа скор'йшэ все'óго дúмайу шо цэ в'ид двойур'идных брат'ив и сэстэр. Брáта Ивáном звáты, а сэстру Лáрийэй, з йакóйу нэ бáчылыс' тры́дц'ат' рóк'ив. Так жыт'т'á склáлос'а.

Так шо пойбэдэм встрэчáтыс' на «Кл'учовый момэнт». Побáчым хто там, а то ж'инка шутку́йэ шо мóжэ л'убóвныц'а. Так шо встрэ́т'имс'а там, на «Кл'учовóm момэнт'и». До зúстр'ич'и].

Уровни:

Фонетический:

[шо] — украинское просторечие, укр. литер. [шчо];

[атд'эл'на] — лексема *отдельно* русская, укр. *окремо*; произношение русское;

[в роддóm'и] — лексема *роддом* русская, укр. *пологовий будинок*, флексия в словоформе *роддоме* русская; произношение украинское (без аканья);

[хорóша] — лексема *хороший* общая — украинская и русская; флексия в словоформе *хороша* украинская; произношение украинское (без аканья, место ударения). Следует, однако, иметь в виду, что в украинском языке существует синонимическая лексема *гарний*;

[жэнáтый] — лексема *женатый* русская, укр. *жонатий, одружений*; произношение русское. В [СТС] *жонатий* приводится с пометой *розм.* (розмовне — разговорное);

[пакá] — лексема *пока* русская, укр. *досі, поки*; произношение русское;

[фрэзэрóвщыком] — лексема *фрезеровщик* русская, укр. *фрезерувальник*, суффикс в словоформе *фрезеровщиком* русский; произношение украинское;

[л'убóвныц'а] — лексема *любовница* русская, укр. *коханка*; произношение украинское;

[встрэ́т'имс'а] — лексема *встретиться* русская, укр. *зустрітися*, флексия в словоформе *встретимся* русская (по-украински *зустрінемось*); произношение украинское;

[помага́ют] — лексема *помогати* украинская, наряду с русск. *помогать*; флексия русская, ср. укр. *помагають*; произношение украинское (без аканья в первом слогe). Следует, однако, иметь в виду, что в украинском языке существует синонимическая лексема *допомагати*;

[«Кл'учовом момэнт'и»] — словосочетание *ключевой момент* русское, укр. *ключовий момент*; флексии в конструкции *ключевом моменте* русские⁷, укр. *ключовому моменті*; произношение украинское.

Морфологический:

[(на) птыцэфабрыц'и] (см. выше);

[бут'] — лексема *бути* украинская, русск. *быть*, показатель инфинитива *-ть* русский;

[встрэчатыс'] — лексема *встречаться* русская, укр. *зустрічатися* (*зустрічатись*); аффикс *-тись* украинский; произношение украинское;

[шуткүйэ] — лексема *шутковать* русская просторечная, укр. литер. *жартувати*; флексия глагола третьего лица ед. ч. *-є* украинская (русск. *-ет*). Отметим, однако, что словарь [Želechovskyj, Nediľ'skyj 1882—1886] приводит украинское слово *шуткувати* со значением 'spassen, scherzen', а словарь [Kurimský, Šišková, Savický 1994] дает 'žertovat, vtipkovat' с пометой *ob. zř.* (разговорное, редкое);

[побачым] — лексема *побачити* украинская, русск. *увидеть*; флексия глагола первого лица множественного числа *-м* русская (укр. *-мо*).

Синтаксический:

[скор'ишэ вс'ого] — конструкция *скорее всего* русская, укр. *скоріше за все*; словоформы *скоріше* (русск. *скорее*) и *всього* (русск. *всего*) украинские.

Семантический:

[ж'інку] (см. выше);

[нэд'іл'и] употребляется значениями 'неделе' (укр. *тижні*), а укр. *неділі* = русск. *воскресенье*.

Характеристика аудиофрагмента В (Телепередача «Ключовий момент» от 12.11.2008). В телестудии ведущая встречает женщину Лидию Пантелеймоновну, 70 лет, из Харькова, где она проживает с 1982 г. Лидия Пантелеймоновна выросла и проживала до 1948 г. в селе Вільхівці Чеме-ривского района Хмельницкой области, потом переселилась в Каменец-Подольский. Ищет своего брата по отцу Эдуарда, 60 лет, который живет в Ивано-Франковске, военный по профессии, на пенсии. В аудиофрагменте В представлена речь Лидии Пантелеймоновны.

Аудиофрагмент В (отсчет времени по записи: 13.10—13.50) — Диалог ведущей с Лидией Пантелеймоновной:

Ведущая: [То ск'ік'и цэ вжэ бат'ко л'икува́вс'а?]

Участница: [Нэ. Бат'ко дужэ до́вго л'икува́вс'а. Вы́л'икував в'ин но́гы но в'ин л'икува́вс'а и продо́лжэв л'икува́тыс'. Так в'ин гово́рыв. До ма́тэри в'ин прыйи́зджэв до нас в э́лэ дужэ р'ідко].

В.: [Про́тягом ск'іл'кóх?...]

У.: [В'ин був там до п'ид'ис'ат шóстого ро́ку].

В.: [А ма́ма чэка́ла йогó тым ча́сом?]

⁷ О русских флексиях в суржике см. сноску 6.

У.: [Ну. Ма́ма дога́дувалас'а нав'э́рна. Ё́а так ду́майу. Но брат прац'ува́в в гус'а́тынс'кому райдо́ротд'э́л'э].

В.: [Ваш брат Анато́л'ий?]

У.: [Брат. В'ин п'ишо́в тод'и́ йак раз со́рок с'о́мый р'ик. Був дужэ́ важ-кый р'ик. В'ин нас факты́чно в'ин вжэ́ кормы́в с'имйу́. Тому́ шчо́ нэ́ було́ шо́ йи́сты а пайкы́ тод'и́ дава́лы. Тым хто прац'ува́в дава́лы пайкы́].

Уровни:

Фонетический:

[нэ] — природа частицы [нэ] не вполне ясна;

[п'ид'ис'ат] — лексема *пятьдесят* русская, укр. *п'ятдесят*; произношение русское;

[нав'э́рна] — лексема *наверно* русская, укр. *мабу́ть*; произношение русское;

[но] — лексема *но* русская, укр. *але*; произношение русское;

[в райдо́ротд'э́л'э] — лексема *райдо́ротдел* русская, укр. *райдо́рвiддiл*; флексия в словоформе *райдо́ротделе* русская; произношение русское;

[пайкы́] — лексема *пайок* украинская, наряду с русск. *пайк*; словоформа *пайки* общая — украинская и русская; произношение украинское.

Морфологический:

[продолжа́в] — лексема *продолжать* русская, укр. *продовжува́ти*; суффикс прошедшего времени глагола *-в* украинский; произношение украинское (без аканья);

[кормы́в] — лексема *кормить* русская, укр. *годува́ти*; суффикс прошедшего времени глагола *-в* украинский; произношение украинское (без аканья).

Итак, анализ на языковых уровнях выглядит таким образом:

Лексический уровень рассматривается нами по умолчанию, т. к. мы строим наши наблюдения, прежде всего исходя из лексического материала.

Фонетический уровень. Артикуляционная база — украинская.

1. Исследуемые вставляют в свою речь **русские словоформы с очевидной русской фонетикой**: [нав'э́рна] — мабу́ть, [атд'э́л'на] — окремо, [но] — але, [п'ид'ис'ат] — п'ятдесят, [пакá] — поки, [в райдо́ротд'э́л'э] — у райдо́рвiддiлi, [в роддо́м'и] — у пологовому будинку, [жэ́на́тый] — жо́натий, одружений, [встрэ́'имс'а] — зустрiнемо́ся. Эти словоформы выступают в потоке речи в качестве «цитат» из русского языка.

2. Исследуемые вставляют в свою речь **русские словоформы с украинским произношением**: [фрэ́зэрóвщыком] — фрезерувальником, [л'убо́в-ныц'а] — коханка, [«Кл'учо́вом момэ́нт'и»] — «Ключовому моменті».

3. Наблюдается также похожий случай, т. е. **лексическая единица, которая встречается и в русском, и в украинском языках, произносится с украинской артикуляцией**: [пайкы́] — пайки (украинское заднее [ы]; [помага́йут] — помагають, допомагають (украинское/южнорусское фрикативное [г], а не [r]; сохраняется твердость конечного [т]).

4. Присутствуют случаи украинского просторечия: [ск'ик'и], [шо].

Морфологический уровень. Морфологическая база — украинская.

1. Исследуемые вставляют в свою речь **русские лексемы с украинской флексией**: [áдрэс] — адреса, [птыцэфáбрыц'и] — птахофабриці, [встрэчá-тыс'] — зустрічатися.

2. Исследуемые вставляют в свою речь **русские лексемы с украинскими грамматическими аффиксами**: [кормы́в] — годував, [продолжа́в] — продовжував.

3. Наблюдается также противоположный случай, т. е. **при украинском лексическом материале присутствует русская флексия**: [бу́т'] — бути (*рус.* быть), [побáчы] — побачимо (*рус.* увидим).

4. Исследуемые вставляют в свою речь общие русские и украинские лексемы (из единого восточнославянского словарного фонда) с украинской флексией: [хорóша] — *рус.* хорошая.

Синтаксический уровень. Синтаксическая база — украинская.

1. Исследуемые вставляют в свою речь **русские синтагмы**: [два ра́за] — два рази, [скор'и́ше вс'о́го] — скоріше за все.

2. Присутствуют случаи украинского просторечия: [пыта́ю за Йу́ру] — питаю про Юру.

Семантический уровень.

1. Единица [нэд'и́л'и] классифицируется как **ложная лексическая параллель**, т. е. имеются внешне сходные, но семантически различные, лексемы русского и украинского языков:

рус. **неделя** = *укр.* тиждень 'единица исчисления времени, равная семи дням';

укр. **неділя** = *рус.* воскресенье.

2. Единицы [робы́лы], [ж'и́нку] часто приводятся в качестве примеров для суржиковой речи, т. е. они в таком случае воспринимаются как ложные лексические параллели, *рус.* **жена** 'супруга', *укр.* **жінка** 'женщина' ≠ *укр.* дружина 'супруга'; *рус.* **работать** 'заниматься каким-л. делом, трудиться', *укр.* **робити** 'делать' ≠ *укр.* працювати 'заниматься каким-л. делом, трудиться'.

Однако, как указал один из рецензентов и как подтверждают словари (см. выше: [ВТС; СТС]), неверно, что *укр.* **робити** не имеет значения 'работать', а *жінка* не имеет значение 'супруга'. Мы относим словоупотребления [робы́лы], [ж'и́нку] к разговорному украинскому языку.

Резюмируя лингвистический анализ, можно сказать следующее: речь участников телепередачи в отобранных нами аудиофрагментах стоит на прочном украинском фундаменте, т. е. преобладает украинский лексический материал; артикуляционная база, принципы словоизменения, синтаксические конструкции — украинские. Лексические примеси, синхронически относимые нами к русскому языку, проявляются на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, что позволяет нам все три аудиофрагмента отнести к суржику.

Отметим также, что лексемы [ск'йк'и], [шо] и словосочетание [пытáйу за Їуру] получили характеристику украинских просторечных, т. к. в них отсутствует соотношенность с какими бы то ни было единицами русского языка.

Помимо этого, в данной работе мы не делаем никаких утверждений исторического/этимологического характера, сосредоточив наши исследования исключительно на синхроническом аспекте.

3. Социолингвистический эксперимент

Анализируемые нами материалы были предложены респондентам в двух украинских городах — в Харькове и в Херсоне, чтобы проверить, насколько наш анализ материала как суржикового совпадает с наивным мнением говорящих. Чтобы сосредоточить внимание респондентов на самой речи, а не на визуальных стимулах, мы приготовили фрагменты в виде аудиофайлов. Целью эксперимента является оценка характера речи носителями русского/украинского языков.

Для эксперимента мы выбрали 10 аудиофрагментов телепередачи «Ключевой момент» (продолжительностью от 40 секунд до 2 минут). При этом большинство фрагментов, по нашему мнению, представляет примеры суржика, два отрывка, однако, — достаточно чистую украинскую речь. Фрагменты с достаточно чистой украинской речью служили контрольным материалом, чтобы установить достоверность суждений информантов (ср. [Krause и др. 2003], где применяется подобный метод). Следует указать на тот факт, что все респонденты относили эти отрезки однозначно к украинскому языку.

Группам респондентов предлагались аудиофрагменты со следующей анкетой⁸:

АНКЕТА УЧАСТНИКА

Год рождения _____
 Место рождения _____
 Пол: муж. жен. (подчеркните)
 Национальность _____
 Образование (подчеркните):
     неоконченное среднее;
     среднее;
     среднее специальное;
     незаконченное высшее;
     высшее (гуманитарное, естественно-научное, техническое).
 Профессия _____
 Место проживания в настоящее время
 (город, село, район, область) _____

⁸ За основу взята анкета из книги [Беликов, Крысин 2001: 289].

Место, где Вы проживали длительное время _____
 Ваш родной язык _____

УВАЖАЕМЫЙ УЧАСТНИК ИССЛЕДОВАНИЯ!

Вам предлагается прослушать 10 аудиозаписей телепередачи «Ключевой момент». В телепередаче участвуют ведущая и приглашенные.

Охарактеризуйте речь приглашенных участников крестиком. Если необходимо, дайте дополнительные комментарии.

1. русский язык
 украинский язык
 суржик
 что-то другое
 комментарии: _____

2. русский язык
 украинский язык
 суржик
 что-то другое
 что-то другое
 комментарии: _____

...и так далее все 10 аудиофрагментов.

Анкета предлагалась респондентам на выбор в русском и украинском вариантах. Мы считаем возможность выбора языка анкетирования важным социолингвистическим критерием, исключаящим нежелательное влияние исследователя на ход эксперимента.

Аудиофрагменты озвучивались однократно с короткими (до 1 минуты) паузами для осознанного письменного ответа в анкете. Ниже приведем результаты оценки трех анализируемых в предыдущем разделе фрагментов вместе с социологическими данными респондентов.

1) Харьковская группа респондентов:

Количество участников анкетирования — 37.

Год рождения: 17—25 лет — 22 человека, 26—50 лет — 7 человек, 51 год и старше — 8.

Пол: 5 — мужчины, 32 — женщины.

Место рождения: Харьков, Харьковская область, г. Полтава, Донецкая область, Луганская область, г. Житомир, Запорожская область, Одесская область, г. Керчь, г. Орел (Россия), г. Сарпул (Россия), г. Иркутск (Россия).

Национальность: 28 — украинцы, 9 — русские.

Образование: незаконченное высшее — 22, высшее (гуманитарное) — 15.

Профессия: 22 — студенты-филологи, 15 — преподаватели украинского и русского языков.

Место проживания в настоящий момент: все участники — жители Харькова.

Место длительного времени проживания: Харьков, Харьковская область, г. Миргород, Луганская область, Запорожская область, г. Керчь.

Родной язык: 3 — украинский и русский, 20 — русский, 12 — украинский, 2 — не определено.

Попросили анкету: 17 — на украинском языке, 20 — на русском языке.

Результаты анкетирования аудиофрагмента А:

Украинский язык: 2

Русский язык: —

Суржик: 34

Что-то другое: 1

Результаты анкетирования аудиофрагмента Б:

Украинский язык: 9

Русский язык: —

Суржик: 27

Что-то другое: 1

Результаты анкетирования аудиофрагмента В:

Украинский язык: 5

Русский язык: —

Суржик: 32

Что-то другое: —

2) Херсонская группа респондентов:

Количество участников анкетирования — 33.

Год рождения: 17—25 лет — 30 человек, 26—50 лет — 2 человека, 51 год и старше — 1 человек.

Пол: 2 — мужчины, 31 — женщины.

Место рождения: г. Херсон — 9, Херсонская область — 11, Николаевская область — 1, г. Берислав — 1, г. Голая Пристань — 1, г. Симферополь — 1, АР Крым — 1, Днепропетровская область — 1, Львовская область — 1, разные сёла — 5, г. Душанбе — 1.

Национальность: 31 — украинцы, 1 — русская, 1 — без ответа.

Образование: незаконченное высшее — 29, высшее (гуманитарное) — 4.

Профессия: 29 — студенты-филологи, 4 — преподаватели-филологи.

Место проживания в настоящий момент: г. Херсон — 31, Херсонская область — 2.

Место длительного времени проживания: г. Херсон — 6, г. Цюрупинск — 1, село Низомне — 1, село Н. Збурьевка — 1, село Ингулец — 2, село Радянское — 1, село Комры — 1, ПГТ Чаплынка — 1, село Гавриловка-2 — 1, В.-Александровский район — 2, село Новорайск — 1, Новокаховский район — 1, село Александровка — 1, село Нововасильевка — 1,

село Костогрызово — 1, село Садо́к — 1, ПГТ В. Рогачик — 1, село Роздольное — 1, Голокристанский район — 1, село Первомайское (Николаевская область) — 1, АР Крым — 1, г. Симферополь (до 1999 г.) — 1, г. Душанбе — 1, без ответа — 3.

Родной язык: 5 — украинский и русский, 6 — русский, 19 — украинский, 3 — суржик (!).

Попросили анкету: все анкеты были розданы на русском языке.

Результаты анкетирования аудиофрагмента А:

Украинский язык: 21

Русский язык: —

Суржик: 12

Что-то другое: —

Результаты анкетирования аудиофрагмента Б:

Украинский язык: 19

Русский язык: —

Суржик: 14

Что-то другое: —

Результаты анкетирования аудиофрагмента В:

Украинский язык: 16

Русский язык: —

Суржик: 15

Что-то другое: 2

Обобщение результатов анкетирования

	Аудиофрагмент А (Харьков//Херсон)	Аудиофрагмент Б (Харьков//Херсон)	Аудиофрагмент В (Харьков//Херсон)
Украинский	2 // 21	9 // 19	5 // 16
Русский	— // —	— // —	— // —
Суржик	35 // 12	28 // 14	33 // 15
Что-то другое	1 // —	1 // —	— // 2

Бросается в глаза тот факт, что респонденты в Херсоне зачастую нечётко различают суржик и украинский язык, во всяком случае, намного слабее, чем респонденты в Харькове. Причем распределение по родному языку респондентов следующее:

	Харьков	Херсон
Украинский	12	19
Русский	20	6
Суржик	—	3
Украинский и русский	3	5
Фарси	1	—
Без ответа	2	—

Наблюдается следующее соотношение: в группе респондентов, где преобладает родной русский язык (Харьков), преобладает и характеристика «суржик»; в группе респондентов, где преобладает родной украинский язык (Херсон), преобладает характеристика «украинский язык». Иначе говоря, имеется два пропорциональных соотношения: русскоязычные респонденты чаще отличают суржик от украинского языка, тогда как украиноязычные респонденты зачастую воспринимают суржик (в нашем понимании) как украинский язык.

Создается впечатление, что для украиноязычных респондентов восприятие и идентификация «русизмов» менее очевидны, чем для русскоязычных. Этому может способствовать принадлежность ряда лексем (которые можно классифицировать как принадлежащие к русскому литературному языку) к украинским диалектам. Не исключено, что поэтому такие лексемы воспринимаются украиноязычными респондентами не как русизмы. Проблема, насколько это верно и для других языковых уровней, подлежит дальнейшему исследованию.

Детальное исследование результатов анкетирования⁹

17—25 лет	26—50 лет	51 год и старше
ХаРус и ХеРус — 14, ХаУкр и ХеУкр — 29, ХеРусУкр — 5, ХеСур — 3	ХаРус и ХеРус — 8, ХеУкр — 1, ХаРусУкр — 1	ХаРус и ХеРус — 6, ХаУкр — 1, Ха0 — 2
14 — русскоязычные, 29 — украиноязычные, 5 — двуязычные, 3 — суржикоязычные	14 — русскоязычные, 2 — украиноязычные, 1 — двуязычный, 2 — не определено	
Русскоязычные (14) Аудиофрагмент А: Суржик — 12, Украинский язык — 2. Аудиофрагмент Б: Суржик — 8, Украинский язык — 1, Укр. язык с ошибками ¹⁰ — 5.	Русскоязычные (14) Аудиофрагмент А: Суржик — 12, Украинский язык — 2. Аудиофрагмент Б: Суржик — 13, Украинский язык — 1.	

⁹ Ха — Харьков, Хе — Херсон, Рус — родной русский язык, Укр — родной украинский язык, Сур — родной язык суржик, РусУкр — родные языки русский и украинский, 0 — родной язык не определён.

¹⁰ Введённая рубрика «украинский язык с ошибками» основывается на комментариях респондентов.

<p>Аудиофрагмент В: Суржик — 12, Украинский язык — 1, Укр. язык с ошибками — 1.</p> <p>В ы в о д: Практически все носители русского языка младшего возраста точно выделяют суржик или дают характеристику «украинский язык с ошибками»</p>	<p>Аудиофрагмент В: Суржик — 12, Украинский язык — 2.</p> <p>В ы в о д: Практически все носители русского языка среднего и старшего возраста точно выделяют суржик</p>
<p>Украиноязычные (31)</p> <p>Аудиофрагмент А: Суржик — 18, Украинский язык — 10, Украинский язык с ошибками — 1, Что-то другое — 2.</p> <p>Аудиофрагмент Б: Суржик — 23, Украинский язык — 8.</p> <p>Аудиофрагмент В: Суржик — 22, Украинский язык — 7, Что-то другое — 2.</p> <p>В ы в о д: Значительная часть (25—30 %) респондентов считают суржик украинским языком</p>	
<p>Двуязычные (6)</p> <p>Аудиофрагмент А: Суржик — 2, Украинский язык — 4.</p> <p>Аудиофрагмент Б: Суржик — 2, Украинский язык — 4.</p> <p>Аудиофрагмент В: Суржик — 1, Украинский язык — 5.</p> <p>В ы в о д: Билингвы склонны избегать понятия «суржик» и большей частью относят аудиофрагменты А, Б, В к украинскому языку</p>	

Суржикоязычные (3)

Аудиофрагмент А:
Украинский язык — 3.

Аудиофрагмент Б:
Украинский язык — 3.

Аудиофрагмент В:
Украинский язык — 3.

В ы в о д: Суржикоязычные респонденты относят все аудиофрагменты к украинскому языку

Подводя итоги социолингвистического анкетирования, можно сказать следующее.

Тот факт, что в суждениях украиноязычных респондентов часты случаи смешения суржика (в нашем понимании) и украинского языка, можно интерпретировать по-разному:

а) либо украиноязычные респонденты не имеют ясного представления о нормах украинского литературного языка,

б) либо следует считать, что суржик — действительно разновидность украинского языка, иначе говоря, результаты лексико-грамматического и социолингвистического анализа подтверждают нашу гипотезу. На это также указывают и многие комментарии респондентов, которые при оценке аудиофрагментов добавляют мнение, что это «украинский язык с ошибками».

4. Заключение

Следует заметить, что авторы располагают многочасовым видео- и аудиоматериалом, что позволит в дальнейшем расширить и углубить лексико-грамматический анализ исследуемых явлений.

Совершенно очевидно, что необходимо социолингвистическое исследование более широкого масштаба с учетом как территориального, так и социального характера.

В связи с этим возможен также учет и диалектной базы респондентов (см., например, [Del Gaudio 2010]).

Л и т е р а т у р а

Антисуржик — Антисуржик. Вчимося ввічливо поводитись і правильно говорити / За заг. ред. О. Сербенської. Львів, 1994.

Беликов, Крысин 2001 — В. И. Б е л и к о в, Л. П. К р ы с и н. Социолингвистика. М., 2001.

Бондар и др. 2006 — О. І. Бондар, Ю. О. Карпенко, М. Л. Микитин-Дружинець. Сучасна українська мова. Фонетика. Фонологія. Орфоепія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Київ, 2006.

ВТС — Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. Київ, 2004.

Жовтобрюх, Молдован 2005 — М. А. Жовтобрюх, А. М. Молдован. Украинский язык // Языки мира. Славянские языки. М., 2005.

Кузнецова 2000 — Т. В. Кузнецова. Мова білінгвальної сім'ї у функціональному аспекті: Дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2000.

Масенко 1999 — Л. Т. Масенко. Мова і політика. Київ, 1999.

Масенко 2004 — Л. Т. Масенко. Мова і суспільство. Постколоніальний вимір. Київ, 2004.

Масенко 2008 — Л. Т. Масенко. Суржик: історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization*, ed. by Gerd Hentschel and Siarhiej Zaprudski. Oldenburg, 2008. С. 1—37.

Окара 2001 — А. Окара. На захист російської мови // *Кур'єр Кривбасу*. 2001. № 134. С. 3—10.

Ставицька 2005 — Л. Ставицька. Арго, жаргон, сленг. Соціальна диференція української мови. Київ, 2005.

Ставицька, Труб 2007 — Л. Ставицька, В. Труб. Суржик: суміш, мова, комунікація // *Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти*. Київ, 2007. С. 31—120.

СТС — Сучасний тлумачний словник української мови: 65000 слів / Уклад. Н. Д. Кусайкіна, Ю. С. Цибульник / За заг. ред. В. В. Дубичинського. Харків, 2006.

СУМ — Словник української мови в 11 томах. Київ, 1978. Т. 9.

Тараненко 2004 — О. О. Тараненко. Суржик // *Українська мова. Енциклопедія*. Київ, 2004. С. 665—668.

Тараненко 2008 — О. О. Тараненко. Українсько-російський суржик: статус, тенденції, оцінки, прогнози // *Мовознавство*. № 1. Київ, 2008. С. 14—30.

Bilaniuk 2004 — L. Bilaniuk. A typology of suržyk: Mixed Ukrainian-Russian language // *International Journal of Bilingualism* 2008. 8/4, 409—425.

Del Gaudio 2010 — S. Del Gaudio. On the Nature of Suržyk: a Double Perspective // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 75*. München; Berlin; Wien, 2010. S. 328.

Flier 1998 — Michael S. Flier. Suržyk: The Rules of Engagement // *Harvard Ukrainian Studies*. Harvard, 1998. С. 113—136.

Flier 2008 — Michael S. Flier. Suržyk or suržyks? // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization* / Ed. by G. Hentschel and S. Zaprudski. Oldenburg, 2008. 39—56.

Hentschel 2008 — G. Hentschel. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka» // *Slavistische Linguistik 2006/2007*. [= *Slavistische Beiträge* 464]. München. 2008. S. 169—219.

Krause et al. 2003 — M. Krause, V. Ljublinskaja, C. Sappok, A. Evdokimov, A. Kopylova, E. Moškina, V. Područnjak. Mentale Dialektkarten und Dialektimages in Russland: Metasprachliches Wissen und Bewertung von Dialekten // *Zeitschrift für Slawistik* 48. 2003. 188—211.

Kurimský, Šišková, Savický 1994 — A. Kurimský, R. Šišková, N. Savický. Ukrajínsko-český slovník. Praha, 1994.

Preston 1999 — D. R. Preston. Handbook of perceptual dialectology. Amsterdam, 1999.

Želechovskyj, Nedil'skyj 1882—1886 — J. Želechovskyj, S. Nedil'skyj. Ukrainisch-deutsches Wörterbuch, I—II. Lemberg 1882—1886. Nachdruck von O. Horbatsch (in 3 Teilen). München, 1982.

U. DOLESHAL, V. DUBICHINSKY, T. REUTER

**SURZHYK: A LEXICO-GRAMMATICAL AND SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS
(ON THE BASIS OF AUTHENTIC MATERIAL FROM A TV-SHOW)**

The article aims at clarifying the concept of «surzhyk» (the mixture of Ukrainian and Russian speech). For this purpose, data from the TV-show «Ključevoj moment» and from interviews conducted in Kharkov and Kherson are analyzed both from a linguistic (phonological, grammatical and comparative) and a sociolinguistic point of view.

Keywords: bilingualism, surzhyk, sociolect, dialect, substandard, mixed language.